

70 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Виталий
СТАРОСТИН**

*Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь...
Пушкин, «Полтава».*

АДСКОЕ ПЛАМЯ ВОЙНЫ, или ТАК ДОБЫВАЛАСЬ ПОБЕДА

Воспоминания деда моего — Старостина Георгия Ивановича

Когда заботы и жизненные трудности преодолевают, что-то постоянно не складывается, наступает пора уныния или, как сейчас модно говорить, — депрессия. Ты в сотый раз усиленно начинаешь искать смысл жизни и не всегда с уверенностью решаешь для себя, в чем он на самом деле. И когда душевное смятение переполняет душу, я вспоминаю своего деда Георгия Ивановича, фронтовика, народного героя. Его рассказы о войне и мирной жизни. Тогда понимаю, что все трудности и проблемы гроша ломаного не стоят по сравнению с пережитым им на самой страшной войне человечества — Второй мировой.

Его война началась еще в 1939 году с освободительного похода в Западную Украину и Белоруссию. А 22 июня 1941 года, будучи курсантом-выпускником Минского Кавалерийского Военного училища, он принимал участие в боях и закончил войну в Берлине. Мы

знаем, что для каждого по-разному сложилась война. Кто-то убит в первом бою. Кого-то не стало еще до передовой из-за налета вражеской авиации. Кого-то ранило, и он уже не вернулся на фронт. А кто-то служил в тыловых частях и видел только разгромленные останки немецкой армии. У Георгия Ивановича своя судьба на войне. От первого и до последнего дня войны он сражался на переднем крае, не жалея себя, по-настоящему, по-геройски. За годы войны им получено два тяжелых ранения, три легких, одно из них в голову, две контузии. Неоднократно горел в танке. У него был только один шанс из ста остаться в живых — и он им воспользовался.

Можно без преувеличения сказать, что, благодаря Георгию Ивановичу и десяткам тысячам таких же героических воинов, наш многострадальный народ наголову разбил гитлеровскую армию. Многие заплатили за победу над лютым врагом дорого, отдав за нее свои молодые жизни.

Эта повесть о войне — воспоминания, рассказы, размышления моего деда о лишениях и страданиях всего нашего народа. Горе и смерть подстерегали его каждый день на протяжении долгих четырех лет войны. Будет несправедливо, если про его боевой путь никто кроме сослуживцев-однополчан и родственников не узнает.

С детства я много слышал о Великой Отечественной войне. Видел боевые ордена и медали деда Георгия Ивановича. Знал, что они заслужены им на полях сражений с немецкими захватчиками. Это были поверхностные, неглубокие сведения, за которыми для меня, кроме неглубоких размышлений, ничего не скрывалось. С возрастом пришло осознание того, что о самой масштабной и кровопролитной войне в истории человечества нужно знать больше. И я всегда интересовался теми далекими трагическими событиями, с которыми связана была судьба моего родного деда. Ссылаясь на занятость или нездоровье, он часто был немногословен. Рассказывал мало, не всегда охотно, по большей части нехитрые фронтовые истории, иногда с юмором и веселым концом, что казалось, будто пережитая им война — что-то вроде занятого путешествия, в продолжении которого иногда стреляли...

* * *

Однажды накануне праздника Победы 9 мая мы всей семьей пили чай и вели неторопливые разговоры. Телевидение, газеты, радио вещали о приближении этой торжественной даты. В эти дни деда часто приглашали на встречи с молодым поколением: он выступал с рассказами о войне в школах, перед трудовыми коллективами, в армейских подразделениях. Обычно он рассказывал о фронтовых эпизодах его службы в армии. В них не было места какой-либо патетике, горю, массовому героизму и гибели, отступлению, плену. Я был

уверен, что дед рассказывает не все, еще что-то он знает о войне, что-то недоговаривает.

Георгий Иванович сидел в кресле, читал газету и о чем-то размышлял. Прядь белых седых волос, зачесанная набок, небрежно свисала над густыми бровями. Широкий лоб тонкими бороздками прорезали морщины. Большие карие глаза выражали спокойствие и глубину пережитых событий. Натруженные мозолистые, узловатые пальцы с шумом переворачивали страницы. Иногда он покашливал. Кашель был глухим и напряженным, напоминал уханье испорченной трубы. Хронический бронхит он приобрел зимой 1941 года в окопах под Москвой.

В этот вечер, после долгих уговоров, он согласился поведать о своем боевом пути, воспоминаниях о войне, погибших товарищах. Его размышления и повествования были глубокими, выстраданными, интересными:

— В чем провинился наш многострадальный народ перед небесами, что его так решили наказать? Не может уложиться в моей голове: почему и за что погибли миллионы людей. Из них сотни тысяч женщин, детей стариков? В стальной армаде, пришедшей с Запада с войной, были не только немцы, а еще румыны, венгры, итальянцы, финны, испанцы, австрийцы, чехи. Вся промышленность Европы работала и вооружала Вермахт. Вся Европа, получается, решила в очередной раз утопить в крови нашу Родину. Я часто думал, что веками привлекало кровожадных захватчиков на Русь? С монголо-татарами все ясно. Кочевые племена. Им все равно с кем воевать и кого грабить, захватывать. Кроме коней и кривых сабель, другого добра не имели. А здесь рабская сила. Можно продать, можно себе оставить. Велики были невольнические рынки Востока. Также пережили нашествие поляков, шведов. Наконец, Отечественная война 1812 года с французами. В это время Русь уже богаче стала: много золота и серебра в храмах, плодородные земли. До настоящего времени не нашли награбленные отступающими французскими войсками караваны с золотом, в том числе и затонувшие при переходе р. Березины. Хищные цели этой войны понятны: разграбить, вывести золото, нажиться. А война с фашистами? После Октябрьской революции страна осталась нищей. Перебои с зерном, хлебом, продуктами вызывали голод. Десятки и сотни тысяч умерших только в Украине и Поволжье. С одеждой еще хуже было. В нашей семье на трех братьев одни штаны были. Родители горбатились в колхозе с утра до ночи, денег не получали, только зерна немного давали и то после выполнения плана по уборке урожая. Паспортов у колхозников не было — в город не сбежишь. Помню, в школе по истории изучали рабовладельческий строй. Там были «рабы с хижинами». Так вот, сильно они мне напоминали обстановку тридцатых годов в Советском Союзе. Правда, было у них преимущество перед нами:

часто восстания поднимали и говорили между собой, о чем хотели. У нас в селе таких разговорчивых расстреливали и в лагеря отправляли: «Беломорканал», архипелаг «Гулаг» и другие. Вот такая жизнь была — паши, живи впроголодь и еще слова пикнуть не смей. Рабам древнего мира точно легче было. Поэтому все чаще задавался вопросом: что Гитлеру нужно было на нашей земле? Потом только узнал нацистскую теорию. Мы, оказывается, неполноценная раса, которую необходимо уничтожить, оставив малую часть для работы на господ-немцев и их союзников. Гитлер любил повторять: Нестерпимо, что «аморфные массы», ничего не сделавшие для цивилизации, занимают огромные земли, являющиеся самыми богатыми в мире». Вот почему на протяжении всей истории нас стремятся стереть с лица земли. А чем же я отличаюсь от Гитлера и арийской расы? Руки, ноги, голова — все одинаковое. Вот чем — мыслями! Я к нему, немецкому народу, и Европе без претензий. Своих забот хватает — огород, дом, хозяйство, работа с утра до ночи. А он меня, мою семью, народ уничтожить решил, стереть с лица земли города, села, церкви. И ведь как долго готовился к войне. Военное производство налажил, неслышанную армию собрал: танки, самолеты, пушки. Профессиональный военно-морской флот с боевыми кораблями и подводными лодками. Совершенная и современнейшая боевая техника, обученные войска и соединения, разработанные до мельчайших подробностей с немецкой щепетильностью планы «Барбаросса», «Ост», «Тайфун» и сотни других. Все продумал с генералами своими, каждую деталь обмозговал и вычислил — как быстрее меня и мой народ, по его мнению «аморфную массу», на тот свет отправить. А оставшихся в живых сгноить в концлагерях, проведя на них, прежде того, медицинские опыты. По предварительным подсчетам, только мирных жителей, женщин, детей и стариков за войну погибло более тринадцати миллионов. А количество убитых красноармейцев до настоящего времени подсчитывается. Так вот сказал бы ему и его прихлебателям, как фронтовик, прошедший от первого дня войны до последнего, пять раз раненный и дважды контуженный, дошедший до Берлина — его поганого логова: за невосполнимое горе наше, смерти и страдания, за миллионы убитых советских людей — будь он проклят!

**СЛУЖБА В АРМИИ.
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД
В ЗАПАДНУЮ БЕЛОРУССИЮ И НА УКРАИНУ**

Родился я в 1917 году — мои родители жили в Ярославской губернии. Занимались сельским хозяйством. Детство пришлось на двадцатые годы, когда отгремела гражданская война, выкосившая

весь цвет русской нации. Время было голодное и холодное. С продуктами и одеждой было тяжело: иной раз не во что было одеться, ходил босиком. В нашей деревне все так жили. Только председатель колхоза две рубахи имел и те военные. В начале тридцатых годов с одеждой немного лучше стало, хотя денег в колхозе за работу не платили, выдавали зерном, если выполнял норму. А норма назначалась такая, что земля столько не родит. Потому и голодали. Но смертей меньше было, чем в Поволжье, Украине. Все же Москва недалеко.

Чтобы пережить трудные годы и не голодать, в 1937 году пошел служить в Красную Армию. Попал в кавалерию: 4-ю Донскую казачью кавалерийскую дивизию, 21-й кавалерийский полк Белорусского военного округа. Дивизия находилась в городе Слуцке. После двух лет службы подал рапорт и поступил в Минское кавалерийское военное училище, которое позже было переведено под Минск в Борисов и переименовано в Борисовское танковое училище.

Учебный процесс в училище состоял из общеобразовательных предметов, главными из которых были русский язык и математика. К военным же дисциплинам относились тактика, огневая подготовка, топография, уставы и т. п. Причем тактику, теорию стрелкового дела, топографию и военную администрацию вели уже командиры, а практическую стрельбу, конное дело, строевую и физическую подготовку — курсовые офицеры. Все занятия по военной подготовке проводились в полевых условиях: на полигонах, стрельбищах, в тирах и манежах. Трудностей это вызывало немало. И в то же время было интересно. Ведь что, например, значило освоить такую науку, как тактика? Это не только знать боевой устав конницы, а еще научиться умело применять в бою самое разнообразное оружие. Если в роли командира, то необходимо оценить обстановку, принять решение, ставить задачи отделению, взводу или эскадрону, управлять ими в бою. Также, нужно иметь хотя бы общие знания о действиях в бою кавалерийского полка, изучить основы применения и других родов войск. Задача более чем обширная.

Большую часть времени занимала у нас конная подготовка. Лошадь для кавалериста вместо отца, матери и дитя малого. За ней уход и внимание необходимо. Без ловкости, бесстрашия, смелости и, лихости не может быть кавалерийского командира. Бой кавалерии скоротечен, отличается высокой маневренностью. Потому-то храбрость, решительность, личный пример командира в этом роде войск нужны как нигде. Даже в уставе кавалерийской службы говорилось, что командир кавалерийского полка обязан полк в атаку вести лично. И нас тоже готовили к этому. Конная подготовка состояла из теории и практики. В теорию входило изучение экстерьера, строения организма лошади, уход за нею, кормление, правила эксплуатации и оказание при необходимости первой ветеринарной помощи. В практику же — владение искусством верховой езды и управление конем на всех

аллюрах. Здесь требовалось укрепить посадку, выработать ловкость, безукоризненно владеть на коне холодным и огнестрельным оружием, научиться преодолевать различные препятствия. Конечно, все это давалось курсантам нелегко. И даже мне, уже служившему в кавалерии и имевшему дело с лошадьми. Для укрепления посадки было принято практиковать езду без стремян. Это вызывало трудности. Но со временем только помогало лучше привыкнуть к верховой езде. После отработки правильной посадки курсанты отлично удерживались в седле на любых скачках. Ежедневно по несколько часов, нами отработывались приемы вольтижировки, джигитовки, преодоления препятствий, рубки лозы и стрельбы с коня. Особое внимание уделялось обращению с шашкой. Ведь как можно быть кавалеристом и не уметь правильно, четко и умело рубиться в конном строю? Шашка и конь для меня были святыми понятиями. На праздники на открытом манеже проводились большие конноспортивные состязания. Открывали их группы фигурной езды, которую составляли в основном ее виртуозы — лучшие наездники училища. Они демонстрировали высокую слаженность, безукоризненную выездку лошадей. Затем проводили состязания по конкур-иппику (преодоление препятствий). Здесь определялось индивидуальное первенство по классам. Завершались они рубкой лозы. Одновременно показывалась джигитовка — выполнение сложных номеров на галопе коня. За нею — вольтижировка, это та же джигитовка, но только по кругу. Я на своей лошади «Медичке» обычно участвовал в джигитовке и рубке лозы. Часто занимал призовые места. В верховой езде и рубке лозы не все зависит от наездника, по-моему, больше зависит от лошади. Поэтому всадник и лошадь должны выступать одним слаженным организмом. А ведь у нее тоже, как у человека, могут быть усталость, плохое настроение, болезнь. Только глубокая дружба и преданность помогут человеку и животному в учебе и на войне. У меня был небольшой секрет: я знал, что лошади любят сахар. На завтрак и ужин нам выдавали по кусочку в чай. Часто бывало отказывал себе в этом малом удовольствии, но угощал «Медичку».

Осенью 1939 года нас направили в освободительный поход в Западную Белоруссию и Украину. Желтая листва местами уже окрасила деревья. Журавли клиньями вытягивались высоко в небе и летели в теплые края. После чего еще долго слышалось их унылое «курлыкание». Далеко было до снежных выюг, но первый утренний холодок уже напоминал, что лето закончилось. В низинах, на зеленой траве блестел и искрился в лучах восходившего солнца иней. Поход был недолгим, но воевать пришлось. Когда наш кавалерийский полк шел маршем, внезапно поляки открыли огонь из пулеметов. Пули метко косили наши ряды. Впереди появилась польская конница. Командир подал команду: «В атаку, вперед!». Мы ринулись лавой на неприятеля. Бой был недолгим. Я схватился с польским драгуном на белом жеребце. Он мастерски владел шашкой и два раза чуть не

достал меня смертельными ударами. Выручила «Медичка». В один из моментов боя она резко повернулась в сторону — и враг оказался ко мне левым боком. Медлить было нельзя, я нанес роковой удар. Драгун, как подкошенный, рухнул с коня на землю. После боя мне достались трофейная шашка и сбруя. Белый конь был взят на нашу конюшню. Между тем, поляки отступили. Но пулеметы не стихали. Мне и трои м кавалеристам была дана команда: обойти с фланга пулеметные расчеты и уничтожить их. Когда мы приблизились к ним сзади, поляки развернули оружие и в упор повели огонь по нам. Нас спасло небольшое расстояние до них. Мы скакали во весь опор и, оказавшись на позициях, успешно выполнили задание. Однако двоих тяжело ранило. Наш кавалерийский полк еще несколько раз участвовал в боях. Но самый первый бой в жизни мне запомнился на всю жизнь. Через три недели Западная Белоруссия и Западная Украина были освобождены от белополяков.

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ. БЕЛОРУССИЯ

Из плана Гитлера «Афбау Ост» (Сосредоточение на восток): уничтожить или превратить в рабов миллионы славянского народа; за 30 лет «очистить» Польшу и западную часть Советского Союза от 31 миллиона человек; выселить за Урал 46–51 млн человек, а 14 миллионов оставшихся там, «онемечить»; разгромить русских, как народ, разобщить их... истребить русскую интеллигенцию как носителя национальной культуры.

Первые дни войны запомнились с особенной силой. Я заканчивал обучение в Минском военном кавалерийском училище. Наступило долгожданное лето — пора отпусков и экзаменов. В полях заколосилась рожь и золотистым морем растеклась вокруг городов и сел. Буйная зелень деревьев и кустов окутала пробудившуюся от зимнего сна землю. Воздух наполнился миллионами мелких жужжащих мошек, комаров, мух, пчел. Они стрелами летали повсюду, наслаждаясь свободой, теплом, солнечным светом. Реки с удвоенной силой несли темно-зеленые воды в неведомые далекие края. Люди, как муравьи, спешили на работу, чтобы внести свой вклад в строительство молодого Советского государства. Для нас, курсантов военного училища, это лето было особенным. Нас ждал выпуск, летний отпуск и распределение по воинским частям необъятного Советского Союза в новом качестве — офицеров. Получить офицерское звание, выстраданное потом, бессонными ночами в нарядах и караулах, бесконечной муштрой и унижением, — было верхом счастья и чуть ли не конечной целью всей жизни... Весной и в начале лета много говорили о войне. Но воевать на нашей территории никто не собирался.

После перехода границы, мощным ударом противник должен быть отброшен назад, а мы его преследовать. Но все получилось не так. Медленно продвигаясь, неся горе и разруху, уничтожая все живое на своем пути ядовитым жалом-огнем, приползла на нашу землю фашистская гадина — война. Она сжигала людей огнем, горячим металлом вгрызалась в тела, отбирая самое дорогое, что есть у каждого человека, — жизнь. Она была повсюду, не останавливалась ни днем, ни ночью, и все не могла утолить свою жажду человеческой кровью, а наоборот — с удвоенной силой искала новые жертвы и находила.

22 июня 1941 года наше училище было поднято по тревоге. Да и тревоги не требовалось. Ночной авиационный налет с бомбардировкой Минска не оставил в покое и наше училище. Два наших курса в количестве 600 человек выдвинулись к реке Березина, где организовали оборону. В эти дни творилось что-то неопишное. Со стороны границы днем и ночью двигались многотысячные колонны красноармейцев, простых граждан, женщин с детьми в запряженных лошадьми повозках, набитых нехитрыми пожитками. Все напоминало паническое бегство в глубь страны. А вдалеке слышались глухие разрывы мин и снарядов. В небе постоянно «висела» вражеская авиация и сотнями тонн свинцовых осколков осыпала все живое. Из тех страшных дней вспоминается случай.

К нам подбежала рыдающая, вся в крови, обезумевшая от горя мать с младенцем на руках, которого убило осколком разорвавшейся авиабомбы. Она неистово голосила. Ее безумный крик походил скорее на гортанные хрипы и звуки раненого животного, чем на человеческие возгласы. Она смотрела в нашу сторону мокрыми от слез глазами:

— Что вы наделали? Отдайте мне Васютку! Почему не защитили нас, природы окаянные. Васютке время кушать, а он спит. Вы видите, — она показывала нам в протянутых руках мертвого младенца. — Спит и не просыпается, — она гладила его по головке, размазывая кровь по светлым волосикам, и причитала: — Васенька, мой маленький. Сейчас я тебя умою. Давай просыпайся скорее. Кушать пора, вставай быстрее. Не спи, пора вставать уже... — Затем, присев с ним на землю, женщина что-то ему шептала, потом снова кричала и рыдала.

Это продолжалось какое-то время, пока к ней не подбежал ее односельчанин, старик. Взяв женщину за плечи, он попытался поднять ее на ноги:

— Пойдем Ефросиньюшка, не убивайся так, пойдем отсюда. А то ведь опять авианалет будет.

Я помогал деду поднять женщину, но она была недвижима. Потом, вдруг повернув ко мне голову, она схватила меня руками за ворот гимнастерки и закричала в лицо:

— Воюй, солдатик, по-настоящему. Выгони тварь фашистскую с нашей земли. Отомсти за все. А мы с Васенькой поможем тебе, чем сможем...

Вымолвив эти слова, она ослабила хватку, закрыла глаза, и, повиснув у меня на руках, испустила дух. Тут я увидел маленькую, но глубокую кровоточащую рану у нее за ухом.

Описать мое душевное состояние словами было невозможно. Ком подкатил к горлу, тело мое словно парализовало. Слезы полили градом. Молнией пронеслась мысль: «Первый день войны... и мать с ребенком умерла у меня на руках! Что это? Дурной сон или явь?»

Подбежал старшина Архипцев.

— Прости, мать, не уберегли мы тебя и дитя твое, — скороговоркой проговорил он, смахнув слезу, нервно крутя усы дрожащими, прокуренными пальцами.

Мои переживания после случившегося передать невозможно. Как будто страшный сон окутал меня и все вокруг: мне казалось, будто я бегу, кричу, бью себя по голове, груди, впинаясь ногтями в лицо, рву его до нестерпимой боли — и не могу проснуться...

Волею судьбы я оказался на направлении главного удара группы армий «Центр» Вермахта, самой мощной, многочисленной, боеспособной группировки, обеспеченной по последнему образцу военной техникой, закидывавшей свои щупальца в сердце Родины — Москву. Она состояла из: 4-й армии генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге; 2-й танковой группы генерал-полковника Гейнца Гудериана; 3-й танковой группы генерал-полковника Германа Гота и 9-й полевой армии генерал-полковника Адольфа Штрауса. Ранним утром грохот танковых моторов возвестил о приближении врага. Позже я узнал, что это танковая группа прославленного генерала Гудериана, завоевавшего Польшу, Францию, Бельгию, Голландию и другие страны. Основного разработчика и исполнителя «Блицкрига» и плана «Барбаросса». Наступала самая мощная в истории войн человечества группа армий «Центр», в которой насчитывалось 1453200 человек. Конечной целью ее была Москва, а на пути были Минск, Витебск, Смоленск, Вязьма, Ржев и другие города и села, утопленные в крови. Оружия для борьбы с танками у нас не было. На весь курсантский полк имелись четыре противотанковых ружья, десятка три-четыре гранат, бутылки с зажигательной смесью, винтовки. Но оборонять нашу землю, задержать продвижение немецкого «бронированного кулака» на час, день, неделю было необходимо. Впоследствии в результате таких трагических боев, где погибал почти весь состав наших подразделений, враг все же был остановлен у стен Москвы. Гул моторов заглушили выстрелы танковых орудий, затем, после секундного эха, земля встрепенулась и задрожала от тысяч взрывов. Тонны песка, обломков деревьев, пыли с клубами черного дыма и яркими языками пламени взметнулись в небо. Летнее утро, до этого прохладное, свежее, превратилось в адский огненный ад, пожиравший вокруг все живое.

Первыми выстрелами было убито девять курсантов, среди них был весельчак Степка с отпусным билетом в кармане. Он должен

был ехать на свою свадьбу в Смоленск. Его тело лежало в скорченной неестественной позе, в луже крови, еще не успевшей впитаться в землю. Из кармана торчал белый уголок отпускного билета, орошенный каплями утренней росы, напоминавшей слезы невесты, которая никогда не станет женой Степана.

Старшина Архипцев метался от окопа к окопу, подбадривая ребят. Он воевал в гражданскую войну и Финскую компанию. Бравировал на переднем крае, показывая всем своим видом, что чихать хотел на фашистов и их «железные кулаки» танки.

— Уйди в окоп! Ложись, — кричал командир роты. — Трое суток ареста!

Старшина не обращал внимания. И поплатился. Пуля снайпера пробила мужественное сердце.

На нашем участке из-за кустов, купами разбросанных по равнине, появились серые, быстро приближающиеся точки. Солнце на миг скрылось за тучами. Видно, ему, могучему светилу, не хотелось видеть сражение, смерть и горе. Воздух был тягучим и густым. Он будто не вдыхался грудью, а вливался в нее, чтобы выскочить назад раскаленным паром.

— Немецкая пехота! — крикнул начальник училища Сусайков: и все вылезли из окопов. Так близко врага еще никто из курсантов не видел.

Я всматривался во вражеские колонны. Закатанные по локоть рукава, металлические каски, словно влитые в головы, кожаные ремни, черные сапоги, уверенно ступавшие по нашей земле. Они шли спокойно, ровными рядами, казалось, никакая сила на свете не может их остановить. Ветром донесся боевой клич гитлеровцев — пронзительное «ла-ла-ла» с твердым «л» и гортанным «а». Как мы узнали позже, таким образом они представляли себя на охоте и окриком загоняли вместо зверья «русских зайцев». На тот момент мы действительно отступали по всему фронту.

Начальник училища подал команду:

— В атаку, вперед!

Пронеслось дружное «урааа!». Патронов у нас было немного, винтовок на всех не хватало, поэтому в атаку шли кто со штыком, кто с винтовкой, с саперной лопаткой, а кто и с палкой. До недавнего времени наше училище было кавалерийским. Шашками рубиться умели все, особенно в конном строю. А здесь ни шашек, ни коней. Саперная лопатка хорошее подспорье, но шашку не заменит. Это потом уже, за годы войны, оставшиеся в живых научились сражаться всем, что под руку попадет, а саперная лопатка считалась сверхоружием ближнего боя. Но это было потом. А сейчас мы бросились на врага, скорее от испуга и безнадёжного отступления по всему фронту, нежели от героизма, а мне... мерещилась мать Ефросинья с Васюткой на руках...

За минуту все смешалось в клубах пыли. Повсюду катались по земле, корчились от боли и погибали люди. Скопление живой силы было таким, что применить стрелковое оружие было невозможно. Очень просто убить своего. Поэтому бились страшно — всем, что было в руках: штыками, касками, ремнями с металлической бляхой, саперными лопатками, у некоторых были детали от разобранного трактора. Зато немцы деловито орудовали карабинами с пристегнутыми штыками. Выделялся среди них огромного роста, широкий в плечах, с мясистым носом, двойным квадратным подбородком и рыжими волосами ефрейтор. В левой руке у него был карабин, которым он резким ударом в грудь или голову останавливал нападающего, а в правой — штык-нож, напоминавший по размерам небольшой меч. Его он и всаживал в наших ребят, погубив около десятка. Мне сразу показалось, что до войны он работал мясником — и нынешняя работа для него привычная.

В разгаре боя «мясник» оказался рядом. Сильно ударил меня в грудь прикладом и занес руку со штыком. Я отлетел к дереву и еще в воздухе почувствовал лезвие, пронзающее кожу ниже подмышки левой руки. Он пригвоздил меня к дереву и невольно приблизился к моему лицу. За миг до этого я вытянул вперед правую руку с неудобным трехгранным винтовочным штыком, на который тот неудачно навалился всем телом. «Мясник» смотрел мне в глаза, еще не понимая, что произошло. Затем на долю секунды перевел взгляд на торчащий из его груди штык и вновь на меня. Его расширенные зрачки и полуоткрытый рот говорили о растерянности. Губы стали судорожно сжиматься. Казалось, он жадно глотает воздух, но не может вдохнуть. Еще через долю секунды он понял, что убит. Сукровица, как маленький язык пламени выскочила из его рта и струйкой потекла по подбородку, глаза остекленели, он произнес:

— Mien Got! Mutter... (Господи, мамочка...).

Его многопудовое тело рухнуло на меня и медленно сползло вниз. А я не мог его ни удержать, ни нагнуться. Под рукой торчал его большой штык-нож. К этому времени бой затихал, остатки пехоты быстро исчезали.

Ко мне подбежал командир роты, весь в грязи, пыли, измазанный своей и чужой кровью, в изодранной гимнастерке. Придерживая рукой кровоточащее ухо, произнес:

— Георгий, ты жив? — Я взглянул на него безумными глазами. Он резко выдернул застрявший штык-нож, оттащил от меня огромного, как буйвол, немца и добавил, передавая мне кинжал: — Ну, молодец, молодец, такого хряка заколол. Пойдем быстрее. Сейчас опять бомбежка будет.

Я нагнулся к немцу. Он лежал на земле, широко раскинув руки, каска слезла с головы, прядь густых рыжих волос касалась травы. Глаза «смотрели» в небесную высь, точно провожали улетающую

душу в иной мир. Из груди стальным отблеском металла торчала рукоять моего штыка. Бурое пятно, пропитав форму, расширялось по груди, как дорогое вино из прохудившихся мехов. Я положил руку ему на веки, прикрыл глаза и прошептал:

— Вот и ты, мил-человек, нашел смертушку свою — за то, что много горя выпустил в мир, убил мох товарищей. А кто звал тебя сюда? Кто? — слеза покатила по моей щеке. — Ты думал, я тебя с пирогами и блинами встречать буду? Буду, коль придешь с миром и добром, буду! Так нет же. Ты, как вор, темной ночью влез в мой дом. Убил мать, детей малых, меня хотел на колени поставить. Раз так, воровская твоя душа, тогда поделом тебе. На миг снова представилась мне мать Ефросинья с мертвым Васюткой на руках, рыдающая и не помнящая себя от горя, протягивающая мне дрожащие руки. — Вот мать, смотри! — указал я на разбросанные трупы немецких солдат, — будем платить за твои слезы и слезы миллионов матерей.

В этом бою я выжил, обошелся малой царапиной. Окреп морально, перестал думать о смерти, бояться ее. Трофейный кинжал служил мне верой и правдой, выручал в трудные минуты боев. А мой страх навсегда остался там, на реке Березине, пригвожденный к дереву.

На следующий день подошел тыловой обоз из нашего училища. Помимо продовольствия привезли неприкосновенный запас со складов: винтовки, гранаты, шашки, несколько пулеметов. Кому не хватило винтовки, выдали шашку.

Бои продолжались более двух недель. Мы воевали совместно с 1-й Московской мотострелковой дивизией под командованием Я. Крейзера. Личный счет уничтоженных врагов был доведен мною до пяти.

В ночь с 6 на 7 июля немцы начали переброску передовых отрядов на восточный берег реки Бобр, где оборонялись мы. Перед боем командир поставил простую задачу:

— Не дать переправиться врагу на наш берег. У кого нет винтовок — добыть в бою. Шашек, я думаю, достаточно. Мы — кавалеристы. После боя немцы должны напоминать изрубленную капусту. Вопросы есть?

Раздался дружный ответ:

— Никак нет!

Фраза о капусте всем понравилась и воодушевила перед боем, прибавила уверенности. Мы залегли в редком лесу на берегу реки. В ночной тишине слышались частые гребки весел. Немцы переправлялись. Когда последний немец покинул лодку, командир батальона Батоев отдал приказ:

— Вперед! Руби!

Что было сил мы бросились на врага. Большую роль сыграла внезапность ночного нападения. Немцы были застигнуты врасплох. По данным их разведки, на этом берегу наших войск не было. Началась

стрельба, рубка, предсмертные крики тяжелораненых. Не прошло и часа, как берег был усыпан изрубленными трупами гитлеровцев. Нашей атакой не только отброшены части противника, но и сорваны работы по наводке моста. Позже наш батальон под сильнейшим огнем сумел без больших потерь вернуться на исходные позиции. За этот бой многих бойцов представили к наградам, а командира батальона майора И.С. Батоева и сержантов Д.К. Куколенко и Е.А. Костылева — к Орденам Красного Знамени. У города Толочин 8 июля произошел крупный танковый бой, в нем с обеих сторон участвовали свыше ста танков. Совместно с мотострелковой дивизией мы выбили противника из города, захватили 800 пленных, 350 автомашин и знамя 47-го Берлинского танкового корпуса. Этот успех имел не только военное, но и огромное моральное значение — о нем узнала вся страна из газет! Но и наши потери были велики. Из шестисот курсантов погибли 192 человека, ранены 68. Цифра трагична вдвойне, если учесть что все курсанты были выпускниками-офицерами. Командирами взводов, которыми можно было укомплектовать несколько боевых дивизий.

С середины июля 1941 г. нас оставшихся в живых перебросили в Саратов, где училищу присвоили новое название: 3-е Саратовское военное училище. Почти через несколько дней вручили звание лейтенантов и вновь отправили на фронт. Я попал на Западный фронт, под Смоленск. Старая знакомая мне группа армий «Центр» устроила там жестокую мясорубку. «Не отпускает меня враг далеко от себя, — думал я. Те части, с которыми мы столкнулись в Белоруссии, теперь дошли до Смоленска.»

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

«Мы обязаны истреблять население — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения... Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны без малейшей жалости, проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются как черви» — А. Гитлер. «Самый тупой немецкий рабочий, стоит дороже, чем все жители Украины вместе взятые..» — гаулейтер Украины Э.Кох. Желтая трава, выжженная палящим солнцем уныло покрывала равнины и холмы. Земля местами изрыта черными воронками от разрывов мин и снарядов. Противотанковые рвы длинными глубокими бороздами разделяли поля на части. Полевые грызуны словно вымерли. Они чувствовали приближение фронта по глухим отдаленным взрывам, эхом доносившихся с Запада.

По прибытии в воинскую часть меня обступили бойцы для знакомства. Все — люди среднего возраста, призванные из запаса, но успевшие уже повоевать, молодежи мало.

— Никак лейтенанта молодого прислали? — услышал я голоса бойцов.

— Смотри, форма новая, ремни сверкают. Видать, порошу еще не нюхал.

— Нюхал, ребята, порох и повоевать успел, — повернулся я к любопытным. — В Красной армии с 1937 года. Служил в Белоруссии, в Донской казачьей кавалерийской дивизии. В 1939 году участвовал в освободительном походе в западную Белоруссию и Польшу. Там бои тоже были. С июня 1941 года под Минском воевал. Теперь вот к вам направили.

— И личный боевой счет имеешь?

— А как же! Семеро. И в 1939-м двое.

— Ну, тогда уважение. Боевой офицер прибыл ребята, не будет за нашими спинами отсиживаться, — раздались одобрительные разговоры.

Про личный счет на войне — отдельный разговор. Каждый воин ведет подсчет уничтоженного врага. Летчики рисуют звезды по количеству сбитых самолетов. Моряки считают количество потопленных кораблей и их тоннаж. Танкисты считают подбитые танки. Снайпера делают зарубки на прикладах винтовок. Также и в сухопутных войсках каждый ведет личный счет. Это счет каждого бойца, офицера. О нем не всегда принято говорить и расспрашивать, каждый по-разному относится к таким вопросам. Но этот счет был у каждого, кто воевал, потому и назывался «личный» или «боевой».

Меня назначили командиром взвода разведки. Разведка — особое подразделение на фронте со своими боевыми обычаями и традициями. Быть разведчиком, а тем более командиром — большая честь и ответственность. Каждую ночь боевая задача на разведку — переход через линию фронта. Вернуться из разведки живым — шансов немного. У разведчиков на войне свои суровые законы. Нас в плен не брали. А если брали, то в плену разведчик жил не более суток. Там его пытали, били, и, если он еще дышал, — расстреливали. Поэтому одну пулю мы всегда берегли для себя.

В 1941 году общие потери наших войск были просто катастрофическими. Отлаженная до винтика «машина» вермахта громила все на своем пути, медленно продвигаясь к Москве. «Люфтваффе» поливала огнем с неба не переставая, артиллерия уничтожала наши боевые порядки. Часто бывало так, что после налета авиации и артобстрела немецкая пехота и танки продвигались на десятки километров без сопротивления. На пути оставались только раненные и убитые красноармейцы, горящая бронетехника. В этот трагический период не хватало оружия, боеприпасов, артиллерии. В воздухе полностью

господствовала немецкая авиация. Не будет преувеличением сказать, что подступы к Москве мы закрывали своими телами.

В августе 1941г. Западный фронт представлял собой огромный котел, в котором ежедневно гибли тысячи солдат и офицеров. Удерживать позиции Красная Армия не могла. Каждый час необходимы были сведения о группировках немецких войск. За это отвечала разведка. Ежедневно в тыл врага уходили разведгруппы. Большинство из которых не возвращались. Сведения о противнике нужны были, как воздух. В один из таких дней в штабе я слушал боевую задачу.

— Ну, что лейтенант, — обратился начальник разведки дивизии майор Щеткин, — слушай задачу на разведку. Подбери из своих ребят самых надежных. В 22 часа выдвигаетесь. В пятидесяти километрах от линии фронта обнаружены артиллерийские и авиационные склады. Спланируй выход к складам и их уничтожение. Это основная задача. И дополнительная: на обратном пути нужен «язык» танкист или офицер штаба. Вопросы есть?

— Время на выполнение?

— Шесть суток. Что еще?

— Все понятно.

— Тогда с Богом! — Щеткин протянул широкую, как лопата, ладонь.

Перед выбором бойцов в разведку я проходил мимо каждого, якобы проверяя внешний вид, а сам всматривался в глаза. Хотел почувствовать внутреннюю тревогу. Если тревога была, а такое организм улавливает перед смертью, бойца в разведку не брал. Мне нужны те, которые возвратятся живыми.

— Задача двойная и с элементом диверсии, — объявил я группе; и после короткого инструктажа мы выдвинулись.

За оврагом виднелся темный лес. Верхушки сосен клиньями уходили в небо. Звезды сверкали холодным отблеском. Желтое пятно луны то отсвечивало бледным мерцанием, то пряталось за быстро пронносящимися тучами. В низину оврага опустился туман и покрывалом укутал кусты и деревья. Пахло сыростью.

Линию фронта прошли спокойно. К концу следующего дня добрались к складам. А здесь была задержка. Охрана складов была качественной: вышки, пулеметы, часовые. Между тем, пришлось около двух суток лежать без движения перед складами, рассчитывать время смены часовых, движение караульных на посты, наблюдать за подвозом и разгрузкой боеприпасов в хранилища. Но все же склады находились в глубине от переднего края, поэтому немцы здесь были ленивее, не так осмотрительны, как в прифронтовой полосе. Наше нахождение здесь было неожиданным для них.

Разведчик должен уметь делать все и обладать редкими волевыми качествами. Самое главное — выдержка и самообладание. Забудь про себя и свои нужды, слейся с лесом, землей, кустом. Так лежи, не

двигаясь, час, два, три, день. Не подавай признаков жизни. Привыкай к врагу, его голосу, запаху, движениям. Не видя тебя, враг подсознательно привыкает к опасности, перестает ощущать ее. Он сам невольно впутывается в сети западни, расставленные тобой. И перед приходом последней минуты он уйдет в другой мир спокойно и быстро, как во сне, не цепляясь за жизнь. Если в эти часы, дни не выдержал, захотел в туалет, зашевелился, хрустнул веткой — ты труп, раскрыта и уничтожена разведгруппа. А самое худшее — не выполнено задание. Поэтому выявлять себя до положенного срока — провал и смерть. Отсюда первая заповедь разведчика: не дай обнаружить себя противнику. Обнаружил, значит приготовься к смерти своей и группы. Отдай свою жизнь дорого. Чем больше врагов заберешь с собой, тем больше твоих товарищей, родственников, соотечественников останутся живыми. Страшнее смерти — невыполнение задачи на разведку. Не будет сведений о противнике его перемещениях планах, намерениях. Огромные потери понесут дивизия, армия, фронт. Вот такая нехитрая наука. Поэтому вторая заповедь разведчика: задача на разведку — приказ самой Родины-Матери, его выполнение является долгом. Причиной невыполнения может быть одна: смерть. Чтобы выжить в разведке, необходимо соблюдать третью заповедь: братство разведчика теснее уз семейных.

— Петрович, — обратился я к старшине, — пойдете к южной части складов. Отвлечете внимание стрельбой и гранатами. Тем временем мы здесь заминируем. После взрыва отходите к линии фронта. Вперед! — Кириянов, режь проволоку, подбирайтесь с Колей к складу и минируйте его. Смотри в бинокль. Видишь букву «U» на стене. Там авиабомбы. Они разнесут всю территорию. С Богом!

Через некоторое время на той стороне складов раздались выстрелы. «Петрович знает свое дело», — подумал я.

Немецкий караул поспешил на выстрелы. Под покровом темноты Кириянов успешно заминировал склады.

— Теперь, ребята, быстро уносим ноги, командовал я, — через 2–3 минуты камня на камне не останется.

Мы бегом продвигались к линии фронта. Позади раздался оглушительный взрыв. Сперва один, затем еще и еще. Склады взрывались с такой силой, будто вся армейская артиллерия фронта проводила артподготовку. Впереди были болота. Нам стоило отсидеться. Немцы в болото не пойдут. А когда все утихнет, через двое-трое суток пробиваться к своим.

Отсидиваться на болотах пришлось дольше, чем планировали. Район складов блокировали и прочесывали каждый метр. Нас спасли топкие болота, куда немцы не сунулись. Но с нацистской скрупулезностью выстави блокпосты, караулы и засады на маршруте нашего возможного продвижения к линии фронта. Четверо суток на болотах минули как один день. Продукты заканчивались.

— Петрович, давай размышлять, — говорю своему помкомвзвода. — Почти неделю за линией фронта. Продукты на исходе. Дальше тянуть нельзя. Предлагаю ночной выход. При необходимости прорыв с боем.

— Согласен, товарищ лейтенант, дальше тянуть нельзя.

Ночью выдвинулись. Кирьянов пошел впереди метров на двести.

— Товарищ лейтенант, — шепотом произнес тихо подошедший Кирьянов, — там немецкий секрет. Человек пять, разожгли костер.

— Штык-ножи, лопатки к бою готовь, — даю команду. — И чтобы без единого звука! — Подползаем к поляне. Все — как на ладони. Один часовой бродит в стороне. — Кирьянов, часовой твой. Пять минут для окружения поляны. Команда к атаке — приглушенный свист, — при внезапной атаке — главное не спугнуть врага, никакого шума, тем более выстрела.

Через считанные секунды немецкий пост был уничтожен.

Когда снимаешь часового с применением штык-ножа, необходимо после удара в шею или затылок прижать его к земле и дожждаться успокоения тела. Часто бывало, когда молодые разведчики наносили удар, но до конца не «успокаивали» немца, вынимали нож раньше положенного, слышался последний крик или выстрел умирающего. Это грозило обнаружением группы. Ее блокировали и уничтожали. Поэтому работать в разведке с противником нужно аккуратно, с ювелирной меткостью и точностью.

При приближении к линии фронта помог случай. По лесной дороге ехала штабная машина с курьером. Нам удалось ее перехватить. Важных документов или пакетов там не было, но капитан из немецкого штаба сообщил важные сведения.

В расположении части я узнал, что в мой взвод прибыл для прохождения службы ефрейтор Данилов Семен. Крепкий, широкоплечий парень со множеством шрамов на лице, руках, груди. При знакомстве с ним я узнал о трагической судьбе его семьи.

Во время одного из боев был ранен. Потерял сознание, попал в плен. Его били, пытали и издевались. Каленым железом выжгли звезду на груди. Оставили связанным на ночь во дворе без сознания. Он перегрыз веревки и сбежал. Добрался до своих. В плену был не больше суток. Прошел проверку в Особом отделе. Там «получил» тоже. «Особисты» проверяли всех на причастность к шпионажу, часто били. Ему поверили.

Семен смотрел на меня, немного нагнув голову вперед. В глазах просматривались невыносимая печаль и внутренняя душевная боль. Шрамы на лице вызывали содрогание. Было понятно сразу, этот человек многое пережил. На построении взвода я представил личному составу Семена. Затем спросил:

— Значит, к новому месту службы? Из госпиталя?

— Так точно.

- Отчего такая грусть?
- Пустое, товарищ лейтенант, пустое...
- Семен, ты человек новый. Попал к себе в семью. Не таись.

Поколевавшись немного, Семен рассказал, что две недели назад немцами была истреблена вся его семья. Отец, мать, жена и двое детей живыми закопаны в землю.

— Там шли жестокие бои. Фашисты потеряли много убитыми. Вошли в село и стали срывать злость на мирных жителях, не успевших эвакуироваться. Узнали, что я боец Красной Армии. Выгнали семью на подворье в центр села. Собрали жителей. Сообщили, что я воюю против немецких солдат. И закопали, — у Семена брызнули слезы. Он снял пилотку, сжал ее в руках до боли и закрыл лицо. Его тело вздрогнуло, он не сдержался и зарыдал: — Детей малолетних — Ваню трех и Дашу пяти лет — за что? Отца-старика и мать, еле передвигающуюся. За что? Жену... Никого у меня ни осталось на всей земле, никого. Я жить не буду, не хочу! Фашистскую сволочь зубами рвать буду. И пока не отомщу за семью, не уйду из этого мира.

Я подал команду «Разойдись!». Но бойцы, видя страдания товарища, обступили его, старались поддержать. Но чем можно помочь? Какими словами описать случившийся ужас? Нет таких слов и дел, которыми можно было помочь Семену и сотням тысяч таких же бойцов Красной Армии, потерявших родню на оккупированной немцами территории.

— За что, товарищ лейтенант. За что? Ванюшу и Дашеньку... — он пронзил меня красными, опухшими от слез глазами.

Ощущение было таким, что все несчастья этой войны впитали его глаза-озера горя. Я прижал его голову к своей груди.

— Завтра бой, Сеня, бой...

Вскоре пришел посыльный по штабу и сообщил, что меня вызывает начальник разведки майор Щеткин.

— Георгий, слушай внимательно, — сообщил уставший от вчерашнего боя майор. Левый глаз он прищуривал и немного заикался, сказывалась недавняя контузия. — В районе хутора Крымский находится мост через реку. Завтра через него должна пройти колонна «тигров» около семидесяти танков. Мост заминировать ночью. Дождаться появления танков и взорвать. Сообщить по радиостанции точные координаты танковой колонны для артиллерийского огня. И сразу живыми и здоровыми назад. Возьми пять человек.

Задание было несложным. Но с самого начала все как-то не заладилось. Мой помкомвзвода Петрович выехал в тыл за молодым пополнением. Снайпер Кирьянов, которого всегда брал с собой, лежал с ранением в медсанбате. Радист Сидорчук простужен. У Данилова горе, лучше бы ему повременить с боевыми задачами. А больше братя некого.

Линию фронта перешли. Пробирались лесом. До хутора километров десять оставалось. Впереди окраина села, дом на опушке леса. В окнах темно. Подходим ближе. Вдруг слышится немецкая речь. К дому подходят четверо немцев.

— Матка, открывают дверь — доносятся ветром слова пьяного немецкого солдата и стук прикладом в ворота. — Не открыт, будэм убиват. — Стук становится сильнее.

В окнах появлялся тусклый свет от лампы. На порог вышла деревенская женщина в платке, открыла калитку. Один из немцев схватил ее за волосы, повалил на землю и потащил за собой. Она вырывалась, кричала, плакала. Мы догадывались, что каждый день немцы насиловали и всячески издевались над мирными жителями в оккупированных районах.

— Вот гады, — прошептал Сидорчук, глядя на меня, затем на Данилова.

Я был в замешательстве. Что делать? Обнаруживать группу нельзя. Задание не выполнено. Семьдесят немецких танков уничтожат ни одну тысячу наших бойцов. С другой стороны — издевательство над женщиной. Вдруг послышался детский плач. Ребенок 4–5 лет выбежал из калитки за матерью. Босой, в белой рубашонке. Он схватил немца ручонками за сапог и закричал:

— Дядя, отпусти мамку, отпусти!

Немец выбрал удобный момент и ударил мальчонку сапогом, как по футбольному мячу. Тот отлетел и не поднимался, плач затих.

Пережить увиденное было тяжело. Группа бегом направилась к фашистам.

— Только без шума, — успел шепнуть я.

Не прошло и минуты, как четверых немцев не стало. Данилов уничтожил двоих.

— Трупы закопать в лесу, до завтрашнего утра их не должны обнаружить. Быстро! — Невдалеке кто-то копошился и издавал звуки. — Семен, — позвал я. — Никто не отозвался.

Мы подбежали к Данилову. Он сидел сверху на немце и наносил удары ножом. С трудом оторвали его от трупа немца, ударившего ребенка.

— Сокалок, спрячешь немцев и заберешь мать с ребенком к нам, за линию фронта. Пусть отсилятся.

Через несколько дней Сокалок поведал мне, что убитый Даниловым немец был буквально изрезан и разорван на части.

К трем ночи мы подошли к мосту. Там была охрана человек пять. Один нес службу, остальные отдыхали.

— Разрешите снять часового? — обратился ко мне Данилов.

— Давай Семен, только аккуратно.

Боец скрылся в темноте. Через несколько минут раздался приглушенный свист. Мы приблизились для возможной огневой под-

держки. Пять немецких караульных были уничтожены. Четверо из них погибли во сне.

С первыми лучами солнца на горизонте появилась танковая колонна «тигров». Даю координаты по радиостанции. Подрываем мост. Начинается мощный, прицельный артиллерийский огонь. Уходя, вижу горящие танки, взрывающиеся бензовозы.

Возвращаясь из разведки с выполненным заданием, я был тяжело ранен осколком разорвавшегося недалеко от меня артиллерийского снаряда. Это было первое тяжелое ранение.

ВОРОНЕЖСКИЙ ФРОНТ

Очень запомнились бои на Воронежском фронте в августе 1942 г. Гитлеровцы долго не могли прорвать нашу оборону. Для прорыва к ним прибыло специальное подкрепление – воздушно-десантный полк из оккупированной Франции. Их считали отборными «головорезами», выполнявшими боевую задачу в любых условиях. И действительно, они отличались от пехоты вермахта, с которой мы воевали каждый день. Здоровые и крепкие, ростом не ниже метра восьмидесяти, с отличной боевой подготовкой, вооружением и отточенной тактикой боя. С 1939 года они воевали во всех странах Европы практически без потерь. Нас собрали в штабе и сообщили о прибытии у врага свежих сил – десантников. Решено было на время не передавать документы, пакеты и карты в штаб армии обычным способом, а только в крайних случаях и с усиленной охраной. Помимо ряда заданий передо мной была поставлена задача взять «языка» из десантного полка.

Свежим августовским утром солнце осветило верхушки вековых сосен, стоящих угрюмо, как древние русские богатыри. На зеленой траве бусинками сверкала роса, умывая и пробуждая лес после сна. Где-то в глубине леса дятел упорно отбивал дробь на высоком дереве: «Вот я с утррра работ-таю, лечу лес от паррразитов». А лес, шелестя ветками, отвечал тихо с благодарностью: «Спассибо тебе, доктор нашшш». Так и мы лечили нашу землю от паразитов..

Мой разведвзвод находился в ночном дозоре на нейтральной полосе.

— Товарищ старший лейтенант, — подполз ко мне рядовой Икумов, — там немцы скрытно подходят. Человек сто пятьдесят — десантники.

— У них, похоже, задача на разведку боем, а здесь мы в засаде, — высказал я вслух предположение. — Бегом в штаб бригады, сообщи о подходе немцев, вызови подкрепление.

Нас было меньше раза в два. Дозоры для этого и выставляются, чтобы враг скрытно не прошел через линию фронта. Обнаружить его,

завязать бой до подхода основных сил. Но немецкий десантник — особый случай. Одно дело — «ломать» пехоту в ближнем бою, обученную, но не стойкую. Другое дело — с десантом воевать, имеющим опыт боевых действий по всей Европе. И эту разницу я почувствовал в первую минуту боя. Схватка была здесь же, на нейтральной полосе.

Перед боем опять возник в моем сознании образ страдающей Ефросиньи с Васей на руках. Она плакала, что-то хотела произнести и только шевелила губами, указывая на младенца. Вокруг нее находились мои убитые товарищи. «Должно быть, жарко будет, — мелькнула мысль, — все убиенные собрались.»

Схватились жестко, без единого выстрела. Наше оружие саперные лопатки и штык-ножи. Нехитрое, но страшное оружие. Я командир, мне бояться нельзя, отступать нельзя. Умереть тоже нельзя, бойцы дрогнут, большие потери понесут, бой проигран будет. Только вперед и личным примером громить врага... К тому времени за год боев я уже многому научился. Пережил более сотни рукопашных схваток. Имел личный боевой счет — тридцать четыре немца и общий счет — в два-три раза больший. Лопатка в моих руках была, как мельница. С кожаной петлей на рукояти, чтобы не соскользнула в бою. На ремне висела запасная лопатка и трофейный кинжал, взятый в первых жарких боях на реке Березина в Белоруссии, у Ганса — «мясника».

С большим трудом увернувшись от немецкого штыка, я опустил лопатку сверху вниз под углом на шею десантника. В лицо брызнуло теплой липкой жидкостью. Услышав хруст, понял, перебиты артерии, мышцы и шейные позвонки. Следом за ним надвигался другой парашютист. Звук сломанных хрящей товарища смутил его на долю секунды. Он перевел взгляд в сторону и крикнул: «Зиг-фрид!». Между звуками «Зиг» и «фрид» мой клинок, произведенный в Германии, уже глубоко сидел у него между ребрами.

В этот момент над головой со свистом пронеслась пуля. Кто-то не выдержал и начал стрелять? Или случайно нажал на курок? Здоровенный немец ударил меня ногой в живот. Я споткнулся, падая на спину. Он прыгнул на меня. Упав, я невольно выставил острие кинжала вверх, оперев рукоятью в землю. При приземлении мой кинжал вошел немцу в бок, как в мягкое тесто. Левым предплечьем пришлось удерживать его штык, острие которого было в сантиметре от моего глаза. Пробитый бок немца беспокоил. Стараясь всадить штык мне в глаз, он напирал сильнее, в тоже время мой кинжал входил глубже в его подреберье. Я не мог его скинуть с себя или пошевелиться. В очередной раз смерть подкралась так близко. Мелькнул образ матери Ефросиньи... Находясь под немцем, я стал проворачивать нож в его боку. Это привело к неожиданному успеху. Избегая боли, он начал проворачиваться в сторону, у меня освободилось место. Я вытащил нож и всадил его в грудь. Враг сник.

Смело и упорно бился Данилов. Несколько раз он отражал удары немцев, предназначенных для меня. Его трофейный карабин с пристегнутым штыком, по срез ствола, как в масло, входил в крепкие тела десантников. В какой-то момент штык не выдержал нагрузки и переломился наполовину.

— Ничего, — улыбнулся мне Семен, — так еще удобнее.

И продолжил орудовать дальше. Казалось, он готов был голыми руками рвать врага. Очередной противник выбил у него карабин из рук. Семен не растерялся и нанес сильный удар кулаком немцу в лицо, тот упал без сознания. Ефрейтор поднял с земли новенький «Вальтер» и прицельно в упор расстреливал гитлеровцев. Когда закончился боезапас, ему под руку попался запасной ствол от немецкого пулемета. В руках Данилова ствол напоминал булаву. Ни один череп воздушных десантников был разнесен стволом. Когда Семена ранили в правую руку, он разил врага левой. Еще один немец выстрелил в упор и пробил плечо левой руки ефрейтора. Данилов кинулся на него, повалил на землю. Бой продолжался еще около часа. Мне это время казалось вечностью. Я получал удары, уворачивался, наносил в ответ. Мои ребята тоже старались, берегли меня, а я их. К немцам стало прибывать подкрепление. К нам тоже подоспели, не дали погибнуть в меньшинстве.

И тут десантники дрогнули. Их потери увеличивались с каждой минутой боя. Они, великие арийские воины, не могли поверить, что «недочеловеки» стирают их с лица земли, как пыль с окон. Сержант Переверзев, уже будучи тяжело раненным, раздвоил голову одному немцу, а другого застрелил в упор. После этого упал замертво. Умиравшие немцы истошно кричали и хрипели. Я бросил в группу отступавших немцев две гранаты, остальные бойцы стали поливать их огнем. Место боя было усыпано трупами. Раненые стонали, звали на помощь. Начинаясь работа снайперов.

Я подошел к Данилову. Он лежал под немцем, весь в крови. Оказалось, боец, раненный в обе руки, схватил врага зубами за горло и перегрыз его. За этот бой Данилову присвоили Орден Славы, а мне орден «Красной Звезды».

С этой поры полк десантников-парашютистов избегал прямых столкновений с нами. Элита Вермахта за один бой потеряла больше людей убитыми, чем за всю французскую, бельгийскую, голландскую и польскую компании вместе взятые. За два часа боя было изрублено до роты десантников и покалечено столько же. Они считали, что здесь будет, как в Европе: мы будем при их грозном виде убегать, поджав колени, а они упражняться в меткой стрельбе по нам и отрабатывать новые приемы рукопашного боя. Вышло все наоборот. Чудом оставшиеся в живых еще долго рассказывали своим, что русские сошли с ума и дерутся как звери. Боевой дух немцев был над-

ломлен. Об этом подробно рассказывал пленный десантник. Позже, из-за больших потерь, их отправили в тыл на переформирование.

Вот выписка из наградного листа:

«За время пребывания на фронте ст.лейтенант Старостин Г.И. показал себя смелым, решительным и стойким офицером. Лично смел и храбр. Имеет большой опыт Отечественной войны. За время боевых действий батальона проявил исключительное мужество и отвагу. Сумел организовать бесперебойную работу штаба, поставив ее на высокий уровень. Хорошо организовал связь батальона, которая за весь период работала бесперебойно. В течение августа 1942 г., будучи на Воронежском фронте в должности командира разведывательного взвода дивизии, в течение месяца лично истребил 41 немца и 4 привел в плен. За проявленное мужество и отвагу в боях за Родину наградить правительственной наградой орденом «Красной Звезды».

Участник обороны Севастополя Юра Сиротин.»

«БЕЗ КРЫМА ВОЙНА НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА»*

Вступившие 3 июля 1942 года в разрушенный город фашисты бесчинствовали в нем 22 месяца. Они уничтожили в Инкерманских штольнях 3 тысячи женщин, стариков и детей, в Троицком туннеле — более 400 рабочих. 12 июля оккупанты согнали на стадион «Динамо» 1500 жителей и после ограбления и издевательств расстреляли их на 5-м км Балаклавского шоссе. За время оккупации города фашисты расстреляли, сожгли, утопили в море, насильно угнали в Германию десятки тысяч севастопольцев.

Наступила осень. Желтое покрывало опустилось и укрыло деревья, траву, кустарники. Не слышны птичьи трели. Только заунывное курлыкание журавлей в сером, пасмурном небе. Под ногами шелестела опавшая сухая листва. Порывистый ветер играл голыми сучьями деревьев.

В нашем батальоне все знали, что Юра оборонял Севастополь. Сражался на 35-й Береговой батарее, названной немцами «Форт Сталин». Небольшого роста, крепко сложенный парень, в потертой гимнастерке с красной планкой тяжелого ранения на груди. Был ранен, попал в плен. Бежал и чудом прорвался к своим.

Однажды вечером после ужина мы сидели у костра, кипятили в котелке воду для чая. Достали сухарей и сахарок — нехитрые солдатские радости.

— Значит, сдали Севастополь, — негромко с горечью произнес сержант Скомороха.

Сиротин помолчал, затаился самокруткой и ответил:

* А. Гитлер.

— Жарко там было, жарко. Ад, не меньше. Восемь месяцев держались! Восемь! Нужно было еще держаться, да нечем драться было. Город окружили и молотили авиацией, артиллерией днем и ночью. Стирала в прах дома, улицы, кварталы, тысячи мирных граждан. А слышали, ребята, как бьет артиллерия калибром 600 мм?

Не каждый сразу понял, о чем идет речь. Но артиллерист Васнецов присвистнул и произнес:

— Что, что? Какой калибр?

— 600 мм.

— Ого-го!

— Два орудия били по городу — «Карл» и «Густав». Позже «Дору» привезли калибром 800 мм. От меня в километре разорвался снаряд. Неделю кровь из ушей хлестала.

— Кто не знает, ребята, скажу, — сообщил деловито Васнецов, — снаряды таких калибров от двух до четырех тонн весят. У «Доры» семь, восемь тонн. Уничтожают все живое в радиусе сто и больше метров. Самые мощные орудия в мире. Стоит задуматься, как фашисты уничтожали город и наших ребят. «Нелюди» — другого слова для них нет.

— Среди батарей большой мощности имелись пушечные батареи с калибром орудий до 190 мм, а также несколько батарей гаубиц и мортир калибра 305, 350 и 420 мм. Окружили со всех сторон и расстреливали. Порой после бомбежек от наших бойцов даже мокрого места не оставалось.

— А вы что?

— Мы окопались и ждали подхода пехоты. Первых два штурма отбили, начался третий, июньский. Фашисты лезли, как черти, отовсюду. Когда кончались гранаты и патроны, мы переходили в штыковую атаку. Этого они боялись. А мы с радостью кололи и отбивались. Но с одной стороны артиллерия, с другой штыки. Завтрашний день воюет со вчерашним.

— Моряки как?

При этом вопросе глаза Сиротина наполнились слезами. Он сильно зажмурил веки и сжал зубы. Голос дрогнул:

— На правом фланге от нас был батальон морской пехоты — человек семьсот. Им дали команду занять высоту с окопавшимися фашистами. Моряки, вооруженные винтовками, в тельняшках, бросились на немецкие пулеметы, которые строчили, как сумасшедшие. Смотреть на это было нельзя — можно сойти с ума. На тельняшках появлялись бурые пятна, они, как срезанные колосья, валялись на землю десятками. Я не мог понять, как за пять минут уничтожили столько моряков? Ужас, такая дорогая цена! Немыслимо. Даже сейчас, если вижу матроса в тельняшке, плакать хочется, нет сил. Поддержать бы их артиллерийским огнем. Та куда там, боезапас выстреляли еще утром. — Юра опустил голову, закрыл лицо рукой.

Воспоминания сильно его растревожили. Другой рукой взял штык-нож за лезвие и сжал в ладони. Сквозь пальцы брызнули струйки крови. — Лежат моряки, убитые и раненные, все поле пестреет тельняшками. Раздаются стоны, крики раненных в полусознательном состоянии. Не выдержал наш санинструктор, бросился их выносить с поля боя. С ним еще трое санитаров, на сумках красные кресты, в белых фартуках. Не пробежали и двадцати шагов, всех прошло пулеметной очередью, — Сиротин разжал пальцы руки. Страхнул кровь с ладони, обмотал руку. — Тут немцы открыли огонь из всех видов оружия. Особенно артиллерия старалась. Ощущение было таким, что наш оборонительный участок хотели с лица земли стереть. Полчаса долбили, не меньше. Потом утихло все. Я пытался вылезти из траншеи — не смог. Завалило землей, ребят убило — и взрывной волной тела на меня откинуло. Насилу вылез. Глянул на высоту: немцы из окопов вылезли! Закатанные рукава, каски, посвистывают, кто-то на губной гармошке играет. Ходят по морякам, тела пинают сапожищами, выскивают раненных. Найдут, сразу бьют штыком в грудь или горло. Один с огнеметом ходил, сжигал оставшихся в живых. И смех у него писклявый был, как у ненормального. Прицелился я из карабина на огнеметчика. Выстрелил. С первого раза попал. Видно, есть на свете Бог! Вспыхнул он и двое немцев еще — и как свечи, и на тот свет! Сгорели быстро, без мучений.

Вечером собрал нас лейтенант Калюжный. «Видели, — говорит, — как гребаные «эсэсовцы» наших морячков хоронили, штыками, огнеметами. Нам тоже, недолго осталось. Они от Севастополя не отойдут, а у нас людей нет, боеприпасы на исходе. Кто со мной ночью к этой сволочи в гости пойдет? Скажем командиру раненных посмотреть, а сами их пощекочем». Вызвались человек пятнадцать вместе со мной. Вооружились добротнo, суточный боезапас прихватили, еще миномет взяли для прикрытия. Около часа пробирались к окопам. Везде в лужах крови трупы моряков лежали. Вся земля усыпана, пустого места нет. Миномет с двумя бойцами чуть позади оставили для прикрытия при отходе. А сами без звуков и криков — к немецкой траншее. Стали гранатами закидывать. Затем в рукопашную пошли. Орудовали штыками, ножами и лопатками. Немцы подумали, что нас много. Руки вверх подняли, что-то кричат. Калюжный буркнул «Вам, гадам, капут пришел». И мы, как один, бросились на них. «Чистили» траншеи, пока силы были. Хорошо поработали. Тут к ним подкрепление стало прибывать, поняли, что нас мало. «Отходим» — скомандовал лейтенант. Минометчики открыли огонь прикрытия. Из пятнадцати ушедших назад вернулись девять бойцов. Но враг потерял намного больше.

Позже немцы вошли в город. Мы, попавшие в плен, завидовали мертвым. Нас поместили в двухэтажное здание. Держали там, как скотину. Воды и питания не давали. Жара под сорок градусов. Ране-

ных много. Днем и ночью слышны стоны и крики умирающих. Ад, другого слова нет. Человеческая моча стала цениться на вес золота. Пить ее нельзя было, только смачивать губы. Люди гибли, как мухи.

Через несколько дней стали переводить из здания. Пленные передвигались с трудом. Когда вели по улице, я увидел полуоткрытую калитку и незаметно проскочил в нее. Хозяйка дома, пожилая женщина по имени Клавдия, укрыла в погребе. Накормила, напоила. Ночью провела к морю, там была небольшая лодка с веслами.

— Плыви солдатик, с Богом, спасись обязательно, — и перекрестила.

Всю ночь я плыл невдалеке от берега. Под утро увидел наш катер из Новороссийска. Моряки подобрали с собой. Вот не думал в живых остаться, а повезло.

УРАЛЬСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ ТАНКОВЫЙ КОРПУС

В начале 1943 года на Урале, по инициативе рабочих Челябинской, Свердловской, Пермской областей начал формироваться Уральский особый добровольческий танковый корпус. В газете «Уральский рабочий» 16 января 1943-го был опубликован материал «Танковый корпус — сверх плана»: танкостроители Урала обязались перевыполнять производственные планы по выпуску военной продукции, работать безвозмездно и сверх плана регулярно отчислять часть заработка на оснащение корпуса боевыми машинами, оружием, обмундированием. 26 февраля 1943 г. Командующий УралВО генерал-майор Катков издал директиву, в которой сообщалось, что на территории Уральского военного округа, по решению Свердловского, Челябинского и Молотовского обкомов ВКП(б), утвержденному Народным Комиссаром Обороны, Маршалом Советского Союза товарищем Сталиным, формируется особый Уральский Добровольческий танковый корпус численностью 9661 человек. Командирам частей и соединений поручалось начать учебу личного состава по мере его поступления, не ожидая штатной укомплектованности.

Командованием, в числе других десятков офицеров, я был немедленно направлен для участия в формировании корпуса, обучении военному делу молодого пополнения. Кадрами для корпуса были обычные рабочие десятков заводов Урала. При формировании получено более 110 тысяч заявлений, в 10 раз больше, чем было нужно. Поэтому выбирали лучших из лучших. Подразделения корпуса получили названия по городам Урала, где сформированы: 244-я Челябинская, 197-я Свердловская, 243-я Молотовская (Пермская) танковые бригады. К концу года номера бригад изменили на 63-ю,

62-ю и 61-ю танковые бригады. Корпус воевал в составе 4-й танковой армии, 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева.

С этого периода, до взятия Берлина и вплоть до окончания военной службы моя судьба была тесно связана с корпусом. Десятки и сотни освобожденных городов и сел, 3800 километров по дорогам войны, десятки тысяч победных боев. Героический, боевой путь корпуса хорошо прослеживается по участию в крупномасштабных наступательных операциях: 27 июля — 29 августа 1943 года — Орловская-Курская; 4 марта — 18 апреля 1944 года — Проскуровско-Черновицкая; 14 июля — 12 августа 1944 года — Львовско-Сандомирская; 12 — 31 января 1945 года — Висло-Одерская; 8 — 22 февраля 1945 года — Нижне-Силезская; 8 — 31 марта 1945 года — Верхне-Силезская; 16 апреля — 2 мая 1945 года — Берлинская; 6 — 9 мая 1945 года — Пражская.

Отличительной особенностью снаряжения личного состава корпуса были армейские ножи образца 1940 года, изготовленные для каждого воина от рядового до генерала рабочими Златоустовского инструментального комбината. Подразделение получило неофициальное именование у немцев «Schwarzmesser Panzern-Division» (танковая дивизия «Черные ножи»). Для Уральского добровольческого танкового корпуса было выпущено 9356 финских ножей. Эти короткие клинки с черными рукоятками, находившиеся на вооружении наших танкистов, внушали врагам страх и уважение. Черный нож — народное название армейского ножа. По форме «черный нож» — с прямым однолезвийным клинком, деревянной рукояткой с небольшой плоской железной гардой и деревянными ножнами. Рукоять и ножны покрывали черным лаком, а железную арматуру ножен и гарду воронили — отсюда и название. Ножи ценились за большую прочность и остроту лезвия и предназначались для экипировки разведчиков и десантников. В некоторых подразделениях разведки «черный нож» вручался новичкам только после взятия нескольких «языков» или других боевых испытаний. Небольшими партиями заводом выпускался и офицерский вариант «черного ножа», предназначавшийся в основном для наград и подарков и отличавшийся хромированными деталями рукояти и ножен. Украшенные ножи вместе с пашками были подарены в годы Великой Отечественной войны Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину и Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову. Самодеятельный оркестр корпуса часто исполнял для бойцов «Песню о «черных ножах», музыку для которой написал Иван Овчинин, позже погибший в боях за освобождение Венгрии. Упоминается «черный нож» и в «Марше Уральского добровольческого танкового корпуса».

Шепчут в страхе враги друг другу,
Притаюсь в темноте блиндажей:
«Появилась на нашем фронте,
Дивизия черных ножей».
Мчатся танки вперед на запад,
Их уральской брони не пробьешь.
Добровольческий танковый корпус,
И у каждого — черный нож!
И при виде бойцов-уральцев
Сразу немцев бросает в дрожь.
Не по нраву фашистским воякам
Наш уральский стальной черный нож!

(Битва за г. Каменец-Подольский)

Перед подходом к городу тишина была такой, что звенело в ушах. Небо нахмурилось. Серые лохматые тучи бороздили его, как большие корабли. Казалось, что трава, деревья наклонились под невидимым гнетом. Природа затаилась перед жестокой битвой между людьми.

Немцы превратили город в неприступную крепость. В каждом доме оборудовано пулеметное гнездо, автоматчики, снайпера. Кто пройдет сквозь все это? Никто, кроме разведки. Поэтому с тех времен остался лозунг разведчиков «Никто, кроме нас».

Я и трое бойцов поползли в город. На одной из улиц попали под перекрестный огонь. Град пуль сыпался сверху и сбоку. Ни влево, ни вправо, ни назад не продвинуться. Бойцы легли, уткнувшись в землю, боялись поднять головы, ждали моих команд. Что им приказывать? Вперед, под пули? Сразу всех положить. Матерям горе. Хотя помню я командиров, отдававших нелепые приказы, которые не несли ответственности за смерти бойцов.

Подаю команду:

— Всем огонь в окно третьего этажа! Прикройте!

Сам прыгаю в подвал дома. Знаю, шуметь нельзя. Обнаружат — превратят в решето. Медленно поднимаюсь на первый этаж. Слышу шаги в мою сторону. Становлюсь за угол, достаю трофейный штык-нож. Тут появилась каска, крупная шея, ствол автомата. Быстрое движение руки — и шея немца покрылась красными пузырями. Нанеси я удар в другое место, он вскрикнул бы. Через секунду я был бы мертв от брошенной гранаты или выстрелов крупнокалиберного пулемета его товарищей. Здесь наука простая: или ты его, или он тебя и еще десяток твоих бойцов. А так как он напал на нашу землю, развязал войну, убил сотни невинных детей, женщин, разграбил города и села, значит, он убийца и мародер. А я выполняю священный долг, защищаю и освобождаю Родину от пришедших убийц, грабителей и насильников, таких смрадных гадов, как этот.

Выглянув в коридор, я увидел трех фашистов, сидевших спиной ко мне и «поливавших» из окон «свинцовым дождем» моих сол-

дат. Две гранаты, брошенные мною, подкатились к немцам. Раздался взрыв, в дыму я вбежал в комнату, к окну и услышал сзади звуки. Краем глаза увидел силуэт пятого гитлеровца. Он бросил гранату и прыгнул вниз по лестнице. За секунду я был на полу между двумя убитыми ранее немцами. Их тела спасли меня, приняв на себя сотни осколков. Сквозь дым показалась голова немца, кинувшего гранату. Я выстрелил, не целясь. Пуля попала в лоб. Он покачнулся и упал. В глазах застыло недоумение. Немец не мог поверить, что я остался живым. Возможно, перед смертью он вспомнил немецкую поговорку о том, что русского нужно убивать дважды... Перед глазами предстала мать Ефросинья и что-то шептала..

Я собрал оружие и немецкие награды в виде железных крестов с дубовыми листьями — и отнес в штаб бригады. В бою меня оглушило, поэтому поздравления с успешным боем от товарищей, а главное, что чудом остался в живых, я не услышал. Только по выражениям лиц и улыбкам понимал, что они рады. Ведь уничтоженная группа немцев убила не один десяток наших бойцов.

Выписка из наградного листа:

«Гвардии капитан Старостин Г.И. при ведении разведки в г. Каменец-Подольский ворвался в подвал трехэтажного дома, где находилось 5 автоматчиков противника. Не взирая на опасность для собственной жизни, в неравном бою уничтожил всю группу и взял железные кресты награжденных гитлеровцев. При ведении боевой разведки в период боевых действий лично сам ходил в боевую разведку 13 раз и руководил группой. Все поставленные задачи на разведку были выполнены. Сведения о противнике были добыты и доставлены в Штаб корпуса. За период боевых действий батальоном было выполнено 57 поставленных задач на разведку. За проявленное мужество и отвагу в боях за Родину, личную смелость и самоотверженность награждать орденом «Отечественной войны» II степени.»

ВЗЯТИЕ ЛЬВОВА

Старинный украинский город со средневековой архитектурой. Корсеты высоких домов словно нависают над улицами. Проулки и перекрестки неширокие. Многие вымощены булыжником, который после дождя отдает темно-бирюзовым блеском. Разрушений в городе немного. Враг постепенно отступал. При этом хорошо оборонялся: эшелонированная оборона, противотанковые рвы, окопы, минные поля, колючая проволока в несколько рядов, пристрелянная артиллерией и пулеметным огнем местность.

Подняться в атаку под кинжальным огнем невероятно трудно. Только высунешься из окопа, сразу проскакивает мысль, куда сразит

тебя осколок или пуля: в голову, грудь, живот, ноги. Шансов выжить во время атаки немного. Но и отсиживаться в окопах нельзя, вовек не прогонишь врага с нашей земли, щедро пропитанной кровью защитников.

Такой вот бой возник в районе села Ольшаница под Львовом. Кинжальный огонь, три ряда колючей проволоки, минные поля, противотанковые рвы и ежи. Наши войска лежат уткнувшись лицом в грязь, ни руки поднять, ни головы. В то время я был заместителем командира батальона. Бойцы меня знали и уверены были в успехе, готовы идти в огонь и воду. Я выждал подходящий момент и командовал:

- Уничтожим фашистскую гадину! За мной в атаку, вперед!
- Уррррр-ррааа-а! — разнеслось многотысячное эхо.

Преодолели рвы и колючую проволоку, далее три ряда окопов. Ворвались в них, но немцы не хотели сдавать позиции. Началась рукопашная бойня. Об этом они сразу пожалели. Наш солдат не мстил за миллионы убитых и взятых в плен, за сожженные дотла города и села — вырезанных, расстрелянных и сожженных мирных жителей, женщин, детей, а восстанавливал правду и справедливость, выгонял врага. И эта справедливость была той могучей силой, что сметала орды оккупантов поганой метлой с родной земли.

Пехотные лопатки и златоустовские ножи, которых боялись немцы, с треском и чавканьем опускались на головы, шеи и спины врага. Удары достигали такой силы, что нередко рубили насквозь немецкие каски. Особенно отточенными были мои, как бывшего кавалериста. Оставшиеся в живых немцы, испарялись, как дым, догнать их было невозможно. В этот раз их преследовали около семи километров в пешем порядке, затем столько же на боевой технике.

После боя ко мне подошел замполит бригады Алаев.

— Да, Георгий Иванович, ты — как Александр Невский на поле боя. Клянусь, за всю войну еще не видел такого панического бегства немцев с передовой. И было ведь отчего бежать. Ты посмотри на тела. Невозможно в них признать непобедимых воинов вермахта. Зрелище, действительно, было не из приятных. Вся земля была усеяна немецкими вояками.

В моих наградных документах значилось представление к ордену «Александра Невского», а присвоена высокая награда: орден «Боевого Красного знамени».

Выписка из наградного листа:

«При прорыве сильно укрепленного рубежа в районе Ольшаница 19.07.1944 г. Гвардии капитан Старостин Г.И. поднял взвод автоматчиков, роту ПТР и повел в атаку. Под непрерывным огнем противника преодолели 3 ряда колючей проволоки, 2 ряда траншей. Разбито до 2-х рот противника, минометная батарея, 4 станковых пулемета. Чем обеспечил плацдарм для взятия г. Львова. За умелое командование,

личную смелость и мужество, проявленные в бою, присвоить правительственную награду — орден «Боевого Красного Знамени».

ФОРСИРОВАНИЕ ОДЕРА

Вот он широкий, степенный Одер с крутыми и пологими берегами, кустарниками, кое-где растущими из воды, крякающими дикими утками и квакающими лягушками. Небольшие волны омывают песчаные берега, которые издаലെка напоминают наш Днепр или Волгу. Но чем-то отличается. Скорее тем, что фашисты, окопавшись на том берегу, построили много инженерных сооружений и превратили природный пейзаж в незаконченную стройку. Они все еще представляли большую, грозную силу. И не одна тысяча советских воинов должна была погибнуть при переправе...

Сколько же людей мы потеряли, пока дошли сюда? А сколько еще ребят могут погибнуть от обороняющихся в своем логове гитлеровцев.

Перед форсированием реки командир бригады вызвал меня в штаб.

— Смотри, Георгий Иванович, — обратился ко мне Фомичев, указывая на карту, — здесь — мы, на том берегу — они. Видишь?

— Вижу.

— Теперь посмотри на тот берег, правее холма. Это место на карте. Здесь река сужается. Ночью переправишься со своим батальоном скрытно. Закрепишься на берегу, выбьешь фрицев. Утром переправятся главные силы корпуса. Все понятно? Есть вопросы?

— У немцев сильная оборона на той стороне. «Доты», артиллерия, минные поля. А у меня после непрерывных боев осталась уже половина людей.

— Сколько в строю? — спросил недовольно комбриг. Он вообще не любил вопросов. Суровая правда войны: приказы командования, часто абсурдные, большие потери, ведь воевали не всегда умением, а больше «числом», сделали его человеком жестким, не сильно заботящимся о потерях.

— В строю сто семьдесят шесть.

— Ого, потрепало вас. Недавно же пополнение принимали. Значит, возьмешь роту Ивченко и саперный взвод Балашова. Гляди, Георгий Иванович, за операцию головой отвечаешь. Грызи немца зубами, зарывайся в землю и держись за каждый метр, выбивай врага, чем хочешь. Но завтра переправа мне нужна, как воздух. — Комбриг раскраснелся и постоянно кособочил фуражку на голове то в одну сторону, то в другую. — От тебя и твоих ребят зависит успех дела. Что еще?

— Хорошо бы артиллерию подтянуть и авиацией пройтись. Иначе потери могут быть большие.

— Что!? Какая авиация? Ну где я тебе ее возьму. Она поддерживает направление главного удара. Артиллерия должна подойти. Какой год воюешь, комбат? Сам все понимаешь, — недовольно произнес комбриг. У начальства есть одна особенность: всегда быть правым и не слушать замечаний. В армии это проявляется с большей силой. Поэтому Фомичев, как любой здравомыслящий человек, не любил неудобных вопросов от подчиненных.

— Сейчас не 41-й, идем по Европе, солдата сберечь бы.

В таких случаях комбриг обычно срывался на крик и разносил подчиненных в пух и прах, нередко угрожал трибуналом. Но сейчас он не был так груб. Тоже понимал, что людей на верную смерть посылает. Он прищурился и, чеканя слова, произнес:

— Выполняй боевую задачу комбат. Не исполнишь, лучше останься на том берегу. С мертвых спросу меньше, да ты сам знаешь...

Часто бывают на войне приказы непродуманные или абсурдные. От них всегда жертвы большие. Но приказ не обсуждается, а выполняется. Пленные немцы часто возмущались:

— Как русские могут столько людей под кинжальный огонь посылать? Наши пулеметчики сходили с ума от сотен убитых за день, наступавших красноармейцев, которых они срезали и срезали огнем. Любого генерала Вермахта за это бы сразу отстранили от командования, осудили и могли расстрелять.

Приказ на форсирование Одера не был абсурдным. Он был неподготовленным и несвоевременным. Мы наступали быстро, артиллерия и тыл отстали. Не было горючего для бронетехники. По-моему, правильнее было бы проутюжить тот берег всеми огневыми средствами, фронтовой авиацией, а затем кидать туда солдат. Но не все зависело от комбрига Фомичева. У него были свои командиры, которые тоже не всегда считались с потерями. Это только Кутузов мог спорить с царем, месяцами отступать, сдавать Москву, берег простого солдата. Затем нанести сокрушительный удар и с небольшими потерями одержать победу над французами. А у коммунистической партии были свои взгляды на ведение войны, жизнь солдата и потери. Конечно, задача на форсирование Одера без огневой поддержки — была для смертников.

Переправляться начали ночью, скрытно. Довольно успешно переправились на тот берег. Не успели выйти из воды, на нас обрушился шквальный огонь из орудий пулеметов, автоматов. Действовать нужно молниеносно, иначе не закрепиться, всех уничтожат. Впереди четыре ряда траншей и колючей проволоки. Огонь такой, что не поднять головы. Отдаю приказ:

— Гранатой огонь, прикрыть минометные расчеты. Минометчики — огонь!

Передний край озарился взрывами гранат, затем минометным огнем.

— Обходи влево, там оборона слабее. — Рота Ивченко стала осуществлять маневр.

Немцы бомбили берег с такой остервенелостью, что, казалось, хотели уничтожить этот кусок земли целиком. Нас выручил покров ночи и утренний туман.

Дорогой ценой выбили врага из первой траншеи. Тут прилетели «мессеры». Остаться в нашей траншее — смерть. Надо приблизиться к врагу. Во весь голос командую:

— В атаку вперед!

Врываемся во вторую траншею, начинается рукопашная. Над ухом свистнула пуля и с глухим стуком попала в сержанта Осипчука, который был чуть позади меня. Приближаясь к фашисту, убившему нашего бойца, смотрю ему с ненавистью в глаза, заносу вверх для удара саперную лопатку и кричу:

— Ах ты, тварина!

Немец вскинул карабин. Вижу, не успеваю к нему, между нами метра три, а его пуля уже на выходе из магазина в ствол — и через мгновение боек ударит по капсулю. Вряд ли он промахнется в упор. С силой кидаю в него лопатку и достаю пистолет. Он нагибает голову. Лопатка ударяет по металлической каске, соскальзывает. Но доля секунды выиграна. Он, не успев поднять головы, стреляет. Мимо. С коротким промежутком посылаю в него две пули. Прыгаю в траншею и вижу. На нашем бойце сидит здоровенный фриц и орудует кинжалом.

— Не уйдешь! — и с размаху всадил ему в затылок штык-нок. Поднял бойца: ни одного живого места, но жив.

— Сидоркин, зови санинструктора! Срочно перевязать, а то кровь теряет.

Молоденький солдат лет восемнадцати–девятнадцати, уже успевший попрощаться с жизнью, не мог пошевелить губами. Глубокие раны, он стонет. С благодарностью моргает и пытается улыбнуться.

А немец не сдается. Приходится защищать траншею. Неподалеку из воронки слышен сильный огонь немецкого пулеметчика. Присматриваюсь, там трое немцев. Я кинул в их сторону две гранаты и после звука разрыва прыгнул к ним. Двое убиты, один карабкался из воронки.

— Подожди, воин. Раньше надо было отступать, а сейчас извини. Слишком много ты молоденьких ребят погубил, их не родившихся детей, внуков, — и наношу ребром ладони удар по его шее и слышу хруст. — Лучше под танк попасть, чем под руку кавалеристу.

Наблюдаю скопление танков и пехоты в третьей траншее. Передаю по радиостанции их координаты. Артиллерия бьет с нашего берега. Координирую огонь.

Через час артиллерийского огня большинство огневых точек уничтожено, горит бронетехника. Атакуем третью траншею. Берем пленных. Приказываю радисту:

— Сообщи по радиостанции о переправе главных сил.

Вокруг — стоны раненных, остатки человеческих тел. Потери есть. Как всегда, сторицей заплатили за нашу переправу. Позже узнал, что на других участках фронта с первого раза закрепиться не удалось. Потери были еще большими, чем у нас.

После подхода главных сил комбриг горячо поздравил с успехом. Перед строем сообщил, что оставшихся в живых представит к орденам, убитых наградят посмертно, а мне присвоят самую высокую награду — Героя Советского Союза. Позже мне вручили «Орден Суворова».

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Позади остался Силезский район и польские городки Малешув, Хенцины, Золочев, Пшедбуж, через которые с боями продвигался наш Уральский добровольческий танковый корпус, входящий в четвертую танковую армию 1-го Украинского фронта. За взятие каждого из них мы заплатили дорогой ценой — жизнями лучших солдат и офицеров корпуса.

В бою за Малешув гитлеровцы ввели в бой новые танки «королевские тигры». Но новая техника их не спасла. Уже несколько месяцев у нас на вооружении были танки Т-34 с 85-миллиметровой пушкой. Это помогло в течение жестокого боя сжечь большую часть «тигров» и одержать победу.

При взятии Хенцины отличился пулеметчик Пяткин. Он ворвался в штаб немецкого полка и в упор расстрелял все командование: генерала, 6 старших, 10 младших офицеров. Когда патроны закончились — и он стал орудовать штык-ножом. Последний немец успел выстрелить в Пяткина и попал в голову. Будучи тяжело раненным, герой всадил нож в немца, но и сам не выжил.

В боях за Золочев и Пшедбуж нам противостояли предатели Власовцы. С ними велись короткие бои. Они быстро бросали оружие и отступали.

Подступы к Берлину были превращены в укрепленные районы. Каждый населенный пункт представлял собой крепость. Немцы сражались ожесточенно, как раненные звери, которым некуда бежать. Упорное сопротивление было в городах Калау, Люкенвальде и Еникендорф. Враг отстаивал каждый дом. Берлин уже был рядом. Его обороняли: 48 пехотных и 6 танковых дивизий, 9 моторизованных, 3300 самолетов, 104000 орудий, 1500 танков. Более миллиона солдат и офицеров. Из них двести тысяч в резерве.

В каждом бою я был в боевой цепи своего батальона. Следовало добить врага в его логове. На одной из улиц выбежала женщина с поднятыми руками. Мы поспешили к ней. Внезапно раздались пулеметные очереди. Мы залегли.

— Ермаков, — говорю ротному, — обходи врага с правого фланга!

Вся сложность боя в городе в его укрытиях. Со всех углов, окон, подвалов ведется огонь. При взятии улицы или района нет уверенности, что враг уничтожен. Вновь и вновь раздаются выстрелы из тыла. В каждом городском бою мы теряли лучших людей.

Я вызвал по радиостанции танковый взвод. Указал вражеские амбразуры. Десять выстрелов осколочными снарядами — и вражеский огонь подавлен. Мы уничтожали уцелевших в рукопашном бою и метким огнем из стрелкового оружия. Калау был взят, а позже Еникендорф и Люкенвальде.

Выписка из наградного листа:

«В боях за город Калау 19.04.1945 г. батальон майора Старостина Г.И., используя обходной маневр, преодолел сопротивление противника и овладел центром города. Позже батальоном были разгромлены превосходящие силы противника, оборонявшие подступы к Берлину. Люкенвальде и Еникендорф освобождены. Сам товарищ Старостин Г.И. находился в центре боевых порядков своих рот. За два дня боев уничтожено 750 немецких солдат и офицеров, 5 танков, 17 орудий, 64 автомашины. Изъято 82 пулемета, 612 автоматов и винтовок. Взято в плен 3870 солдат и офицеров. Лично т. Старостин Г.И. уничтожил 28 немецких солдат и офицеров. За проявленные отвагу и мужество наградить правительственной наградой Орденом «Красное Знамя».

И вот Берлин — перед нами.

Еще в начале битвы за Германию я был удивлен высоким уровнем жизни немцев. Двухэтажные красивые дома с черепичными крышами, сады и палисадники вокруг них. Улицы вымощены булыжником и асфальтом. Дорого и со вкусом одеты местные жители. Одним словом, «цивилизованная Европа». Что же они искали на нашей земле? Ведь по качеству жизни, бытовым условиям, доходам мы их не догнали бы и через сотню лет. Нищая многострадальная Русь поманила вас. Чем? Кем? Землей! Рабами...

Перед глазами возник образ из далекого 1941 г. страдальцы матери Ефросиньи... После этого я повидал много смертей, горя. Но этот первый образ вспоминал всю войну.

— Видишь, мать Ефросинья, — мысленно обратился к ней, — мы уже в Берлине.

Она будто бы приблизилась ко мне, положила руку на голову и произнесла:

— Не стыдно мне за Красную Армию и тебя Гоша. Будь осторожен, последние бои идут. Но я тебя все равно сберегу.

Впервые за войну мне сделалось легко и спокойно на душе.

На окраине Берлина в Бабельсберге начались ожесточенные бои. Войска «Фольксштурма» и «СС» били из укрепленных точек днем и ночью, не стихая ни на минуту. Фаустпатроны сжигали наши танки десятками, экипажи не выживали. Фаустпатрон прожигал броню до 140 мм. У танка Т-34 лобовая броня 45 мм. У танка ИС-2 – 120 мм. Многие танкисты, прошедшие всю войну, сложили головы на улицах Берлина. Бои продолжались более недели. Мы отдыхали по 1–2 часа в сутки. Враг сопротивлялся в последней агонии. Часто переходил в контратаку и рукопашную схватку. От напряженных ежедневных боев и усталости, бойцы теряли сознание. По ночам работали немецкие снайперы. Раненный зверь не хотел сдаваться.

Берлинский гарнизон имел еще достаточно сил и техники. Цель немцев при битве за Берлин и Германию была одной: обескровить советские войска, нанести сильный контрудар, укрепить свои позиции и требовать мирных переговоров. После чего гитлеровская верхушка осталась бы править страной.

Отряд фашистов оборонял дом. Мы никак не могли их выбить из него. Расположение дома позволяло хорошо простреливать наши позиции. Три наших танка были сожжены за полчаса боя.

Я со взводом автоматчиков пробирался к дому. Оттуда град пуль. Двух солдат тяжело ранило. Даю команду:

– Гранатой огонь!

После взрывов врываемся в дом. Началась смертельная схватка. Немцам отступать было некуда. Их было больше, чем нас, раза в два, три. Отступать было некуда и нам.

– Смерть фашистам! – крикнул я и с двумя саперными лопатками кинулся на врага. За мной «вцепился зубами» во врага наш взвод.

Вокруг раздавались выстрелы, треск костей и чавканье лопающихся тканей, подкошенные тела валились друг на друга. В углу взорвалась граната. Осколки, как сыплющийся горох, разлетелись по стенам. Плотность тел была такой, что на взрыв никто не обратил внимания. Добивая очередного фашиста, я услышал крик взводного Акиншина:

– Комбат, сзади!

Я обернулся и наотмашь, удачно, нанес удар лопаткой. Тело немца, покосившись, упало в одну сторону, а голова в другую. Из дома мы выбили врага через час. Я осмотрел лопатки. Они представляли собой две искореженные металлические пластины, непригодные для копания. Это напомнило мне жаркие августовские бои 1942 года с немецкими воздушно-десантными войсками, где было также много испорчено шанцевого инструмента. У нас тоже были потери, правда, небольшие. Убитые бойцы не увидят больше своих семей, детей, домов. Горько их будут оплакивать матери. И в целом очень дорогой

ценой — человеческими жизнями заплатили мы за каждую улицу, квартал.

На следующий день недалеко от моего командного пункта под градом выстрелов остановился танк Т-34, в который попали шесть фаустпатронов, но экипаж оставался еще в живых.

— Жалко, — подумал, — сожгут танк и экипаж.

Быстро подбежал и стучу по броне.

— Кто?

— Сдавай быстро назад. А то сожгут. Откуда стреляли, заметил?

Тем временем, во время разговора, под ногами у меня крутилась уже волчком брошенная немецкая граната. Пытаясь спасти танкистов, я ее не заметил. Грянул взрыв. Длинная пулеметная очередь ударила по ногам. Мне представилось как во сне: растет пламя, разлетаются сотни мелких осколков — и возникает образ матери-Ефросиньи, она закрывает меня от взрыва собой. Пламя все же обжигает тело руки, ноги. Затем она будто кидает меня на землю возле танка. Пулеметные очереди проносятся выше. Я теряю сознание и чувствую руки моих бойцов, уносящих меня из-под пулеметного огня.

— Спасибо Ефросинья, что сберегла меня от верной гибели, — последняя мысль проносится перед потерей сознания.

Ранение было тяжелым. В теле насчитали около сотни осколков, ноги были «прошиты» пулеметным огнем. Врачи медсанбата долго вытаскивали осколки, но многие остались в теле до настоящего времени.

После войны еще семь лет я служил в Берлине.

Симферополь

